

УДК 821.161.1-1.09

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА «ОЧЕРКОВ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ЖИЗНИ» В.В.КРЕСТОВСКОГО
В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ**

Ключевые слова: история, русская литература, очерк, идейное содержание.

В статье рассматривается спектр исторической проблематики очеркового цикла В.В.Крестовского в контексте общественно-политических взглядов и творчества писателя.

К числу громких имён литературы второй половины XIX века принадлежит имя Всеволода Владимировича Крестовского (1839 – 1895). Автор пяти романов, десятков повестей, очерков и репортажей, Крестовский в силу ряда не имеющих прямого отношения к литературе причин не получил единодушного признания современников.

Одним из событий в биографии писателя, оказавшим существенное влияние на творческий путь, стала военная служба. Поступление Крестовского на военную службу юнкером (то есть нижним чином) в то время, когда ему было уже около тридцати лет и он приобрел литературную известность, вызвало озлобление и наделало много шума. По всей вероятности, военная среда привлекла его простотой, отсутствием интриг и сплетен, жертвой которых (как в литературе, так и в частной жизни) Всеволод Владимирович был в течение нескольких лет. Кроме того, это могло быть данью семейной традиции, так как и отец, и дед его служили уланами. 1 июня 1868 г. Крестовский был определен юнкером в 14-й Ямбургский уланский полк, стоявший в Гродненской губернии. Во время службы писатель изучал быт населения Западного края, что впоследствии дало ему материал как для крупных произведений (трилогия «Тьма Египетская», роман «Кровавый пуф»), так и для цикла «Очерки кавалерийской жизни» (1867 – 1875 гг., впервые опубликован в 1892 г.), выбранного объектом нашего исследования.

Несмотря на универсальность творческого дарования Крестовского, внимание исследователей привлекают прежде всего романы писателя, тогда как публицистика и «малая» проза остаются практически вне поля зрения. Поэтому цель нашего исследования – охарактеризовать историческую проблематику цикла «Очерки кавалерийской жизни» в контексте общественно-политических взглядов и творчества писателя – представляется нам закономерной.

Обращаясь к рассмотрению исторической проблематики цикла, стоит сказать несколько слов о его жанровой специфике. Несмотря на то, что «Очерки кавалерийской жизни» обозначены как «очерки», составляющие их произведения имеют признаки различных эпических жанров: физиологического («Базарный день в Свислочи»), и портретного очерков («Дон Сезар де Базан», «Гаспидин Элькес», «Мадам Хайка»), рассказа («Буянов – мой сосед»), новеллы («Кто лучше»), анекдота («Что делает ворона»), авантюрной повести («Авантюрист-магнат прошлого века», «Ильиновская легенда»), лирического рассказа («На сенокосе»). При доминировании компонентов очеркового жанра (развернутые экспозиции, подробно описывающие место действия; обширные документальные вставки, детальное воспроизведение подробностей быта) «Очерки...» представляют собой синтез различных жанров в одном произведении.

Через отдельные главы и эпизоды писатель составляет цельную картину жизни как армейского коллектива, так и местечек Гродненской губернии конца 60-х – начала 70-х гг. XIX в., благодаря которой осмысляются факты из исторического прошлого и настоящего. Безусловно, с идейно-тематической точки зрения содержание «Очерков...» взаимосвязано со второй частью романа «Кровавый пуф» – «Две силы» (1876), – действие которой происходит в Гродненской губернии накануне и во время восстания 1863 – 65 гг. Содержание «Очерков...» развивает быто-и нравоописательный пласт «Кровавого пуфа», рисуя картину быта и нравов населения Гродненской губернии после подавления шляхетского мятежа: так, в ряде глав и эпизодов («На первом переходе», «На ночлеге», «Базарный день в Свислочи», «Ильиновская легенда», «Ночь на Ивана Купалу») содержится богатый этнографический и фольклорный материал, дающий представление как о крестьянском быте, так и о взаимоотношениях между различными слоями населения. Как и во второй книге «Кровавого пуфа», очерковый материал работает на развенчание образа «благородного шляхтича», приобретаая при этом ярко выраженное сатирическое звучание: «Некий пан – «родовиты шляхтиц» – однажды в весеннее половодье тонул в разлившейся речонке вместе со своей не-тычанкой и конями. В минуту опасности он дал обет, что ежели пан Бог избавит его от смерти, то он на сем месте поставит «кржиж на памёнтек». На панское счастье, проезжает какой-то хлоп, который, видя крайне критическое положение родовитого пана, пустился вскачь в ближайшую деревню, кликнул мужиков с жердями, волами и веревками – и те вытащили из воды пана вместе с

нетычанкой и конями. «Родовиты шляхциц – як гоноровы и поржондны человек» сдержал свой обет, данный Богу: поставил крест и на нем увековечил себя следующей надписью: «тен кржиж пан пану поставил, за то, же пан пана од смерци выбавил» [2, с.42].

Глава «Базарный день в Свислочи» развивает начатую в «Кровавом пуфе» тему религиозной жизни населения Западного края. По наблюдениям Крестовского, закрепленное в сознании населения разделение на «панский» костел и «хлопскую» церковь продолжает сохраняться и после 1865 года: «Насколько был здесь забит и унижен хлоп, настолько же вместе с ним была забита и унижена его хлопская «цэрква». Путешествуя по краю, вы по сию пору можете во многих и многих еще местах встретить гордо стоящие, красующиеся на площадях костелы и тут же, только не рядом, деревянные срубы, косые и кривые, и мхом поросшие, и соломой крытые, с виду похожие более на какие-то амбары или сарайчики, над которыми водружен крестом и ржавый железный крест, во свидетельство того, что амбар этот есть православная церковь. Как хлоп не смел приблизиться к пану и стать с ним на одну доску, так точно и его хлопская «цэрква» не осмеливалась приблизиться к панскому костелу, а пряталась всегда в какой-нибудь угол, где бы подальше да незаметнее... И если ныне увидите вы благолепные церкви, стоящие на подобающих местах, то все это сделано только в последнее время, уже после 1863 года, а что было раньше – о том еще и доселе красноречиво свидетельствуют дряхлые и покосившиеся срубы...» [2, с.99]. Многовековое существование «панского» костела и «хлопской» церкви глубоко повлияло прежде всего на религиозное мировосприятие крестьянства: «Стоит вся эта «громада» тихо и чинно, службу слушает внимательно; но взгляните в эти лица – и вы прочтете на них выражение какого-то индифферентизма, безучастия, хотя церковь и посещается хлопами благодаря базарному дню довольно исправно. Что это такое? Нелюбовь ли к церкви? Затаенная ль приверженность к костелу? – Нет, ни то ни другое, а именно индифферентизм к делу религии как хлопской, так равно и «панской», – индифферентизм, имеющий свои основания, до известной степени, в причинах политических; стоит только вспомнить, сколько раз этот народ был перегоняем из православия в унию, из унии в католичество, из католичества в православие и из унии в православие и какие административные меры зачастую принимались для этих перегонов... Этот народ не отстаивал себя и не боролся здесь за свою веру столь энергично и упорно, как боролся малорусс; он просто себе подставил свою шею и спину натиску всех исторических, наплывных невзгод и лишь благодаря этому, чисто пассивному, сопротивлению, успел и до наших дней сохранить свою славяно-русскую самобытность; но что касается до религии, то тут уже невольно и вполне естественно выработался этот индифферентизм, который, дай Бог, чтоб изгладился лишь в будущем поколении» [2, с.100].

Значительная часть очерковых материалов посвящена повседневной крестьянской жизни. Рисуя крайне бедственное положение крестьян («На ночлеге», «Базарный день в Свислочи») автор в комментариях постоянно акцентирует внимание читателя на том, что влияние многовековой «панщины» глубоко повлияло как на физический облик, так и на мировосприятие крестьянина, при этом не лишено его человечности: «Но веселье этих людей непродолжительно. Оно вспыхнет на несколько мгновений в корчме, под влиянием музыки и винных паров, да там же и потухнет. Нашему черноруссу более свойственны умильные слезы да слабосильные жалобы на недолгу, чем бойкая веселость, требующая известной энергии и бодрости духа» [2, с.114]; «Литовско-русский крестьянин просто поражает глаз непривычного человека своим хилым, болезненно-бледным, робко-забитым и как бы отошальным видом. Виною этому кроме нравственного гнета недавних времен польской панщины служит, конечно, его скудная, малопитательная пища при изнуряющем мускульном труде над малоблагодарной почвой. Но этот забитый хлоп очень добродушен и радушно делится с солдатом своей картошкой» [2, с.72].

В «Очерках...» внимание автора уделено взаимоотношениям как крестьян, так и военных с местечковыми евреями, о чем Крестовский рассказывает подробно, а порой с юмором либо с неприкрытой иронией. Автор категоричен по отношению к еврейскому населению в тех случаях, когда речь идет о стремлении нажиться за счет крестьянина либо о присущей значительной части еврейского населения вражде к иноверцу: «Хлоп по крайней мере делится с солдатом тем, что и сам ест, жид никогда не поделится, никогда не отошьет долю своей похлебки из своего коширного горшка в трэфный горшок солдатский; для солдата он все-таки готовит особую пищу, и эта последняя несравненно хуже и скуднее его собственной. Горячую воду в горшке замутит еврейка ложкой муки, покрошит одну цибульку, кинет несколько картофелин — и предлагает это яство солдату. Любишь не любишь, а ешь, потому что есть хочется!» [2, с.73]. Но в то же время в ряде портретных очерков, посвященных евреям («Веля Гершуна», «Облава на уток», «Что делает ворона», «Мадам Хайка»), автор испытывает к своим героям добрые, а порой и сердечные чувства.

Безусловно, центром «Очерков...» является изображение различных сторон повседневной жизни военнослужащих уланского полка. В различных частях и эпизодах цикла автор приводит немало примеров проявлений простых и, так сказать, «родственно-добрых» отношений, существую-

щих в армейском быту как между офицерами («Сборы и проводы»), так и между офицерами и нижними чинами («На первом переходе», «Жизнь на траве»): «И в самом деле, у наших солдатиков это замечательная характерная черта: в какую бы то ни было критическую минуту... они никогда не забудут своего офицера и поделятся с ним последним куском; всегда сами, первые, радушно и бескорыстно предложат что бог послал; и откажись офицер – солдат в душе, наверное, обидится и мысленно обзовет его «гордым» [2, с.60]. Тем не менее, несмотря на кажущееся тяготение к идеализации армейской среды, в «Очерках...» затронут ряд проблем пореформенного военного строительства. Как современники, так и более поздние исследователи истории русской армии 1860-70-х годов, отмечали, что одним из следствий недостаточного финансирования вооруженных сил было отсутствие казарм у ½ воинских частей [1, с.219]. Войска расквартировывались по селам и местечкам (порой со значительным удалением подразделений друг от друга) с расчетом на «подножный корм» за счет обывателей, что, по мнению автора «Очерков...», неизбежно приводило как к снижению общего уровня боевой подготовки, так и к ухудшению физического здоровья солдат.

Еще один поставленный в «Очерках...» не менее злободневный вопрос – состояние офицерского корпуса. По мнению Крестовского, офицер – не столько профессия, сколько особое моральное состояние человека: «Надевая монашескую рясу или военный полковой мундир, человек как-то невольно начинает чувствовать себя иным, несколько отрешенным от остального мира. Между ним и этим остальным миром словно бы ложится какая-то очень тонкая разграничительная черта: тут вот, мол, я и та небольшая община, с ее уставами и жизнью, к которой я принадлежу прежде всего и больше всего; а там, за этой чертой, там остальной уже мир и вся жизнь остальная. Я могу сочувствовать той жизни и ее интересам, ее движению, ее стремлениям, но все-таки для меня на первом плане будут стоять интересы избранной мною общины, которые, пока я честно принадлежу этой общине, будут для меня наиболее родными...» [2, с.331]. Отсюда и особое внимание автора к тому, «каким образом обеспечить положение офицера и нравственно и материально так, чтобы русская армия была вполне и во всякое время обеспечена корпусом вполне знающих, способных и соответственных своему назначению офицеров» [2, с.126]. Отсюда и озабоченность тем, что офицерский корпус пополняется случайными людьми, а способные офицеры покидают армию из-за безденежья: «Не лучше ли подумать о том, каким образом удержать их в рядах армии, каким образом обеспечить положение офицера и нравственно, и материально так, чтобы мало-мальски способный человек не бежал при первой возможности из армии в службу по акцизу, по контролю или по железным дорогам?» [2, с.126] Однако критическое отношение к проблемам военного строительства не лишает Крестовского уверенности в нужности военного человека: «Скажут: зачем он не подумал, не постарался сделать более современно-полезное, практическое применение к чему-нибудь из своей жизни? Но, господа, не всем же быть мировыми судьями, присяжными поверенными, журналистами, фельетонистами... ; надобно же кому-нибудь быть и уланским корнетом. Вы спросите, быть может: зачем же и для чего это надобно? Вам существование уланского корнета с его скромным назначением может казаться вещью совершенно бесполезной. Но не сегодня завтра в жизни государства может прийти и такая критическая минута, когда и мировые судьи, и присяжные поверенные ..., да наконец, быть может, и ты сам, мой читатель, – все вы восчувствуете настоятельную надобность и в уланском корнете Буянове... А в чистом поле, перед рядами врагов, Буянов будет на своем месте – и сколь ни мала его роль как взводного командира, но в общем механизме военного, боевого дела и эта маленькая роль важна и необходима. И корнет Буянов, будучи тогда на своем месте, сумеет честно и доблестно сделать свое дело: за ним куда хочешь ползут солдаты» [2, с.349]

Безусловно, взгляд В.В.Крестовского на бытовой срез белорусской истории второй половины XIX века – это часть разнообразного спектра мнений. Впрочем, это лишь усиливает необходимость обращения к рассмотрению особенностей исторического содержания цикла «Очерки кавалерийской жизни» как в контексте творчества автора, так и с точки зрения взаимодействия с художественным опытом русской и белорусской исторической прозы, посвященной рассматриваемой эпохе.

Литература

1. Зайончковский, П.А. Военные реформы 1860-1870-х годов в России / П.А.Зайончковский. – М.: МГУ, 1952. – 370 с.
2. Крестовский, В.В. Очерки кавалерийской жизни / В.В.Крестовский. – М.: Воениздат (Редкая книга), 1998. – 460 с.

S.V.Lapunov

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: klit@vsu.by

Historical problems in Sketches of Cavalry Life by V.V. Krestovsky in the context of the author's creativity

Key words: history, Russian literature, sketch, ideological content.

The variety of historical problems in V.V. Krestovsky's essay cycle in the context of the writer's social and political views and creativity is considered in the article.